

Реальный сектор

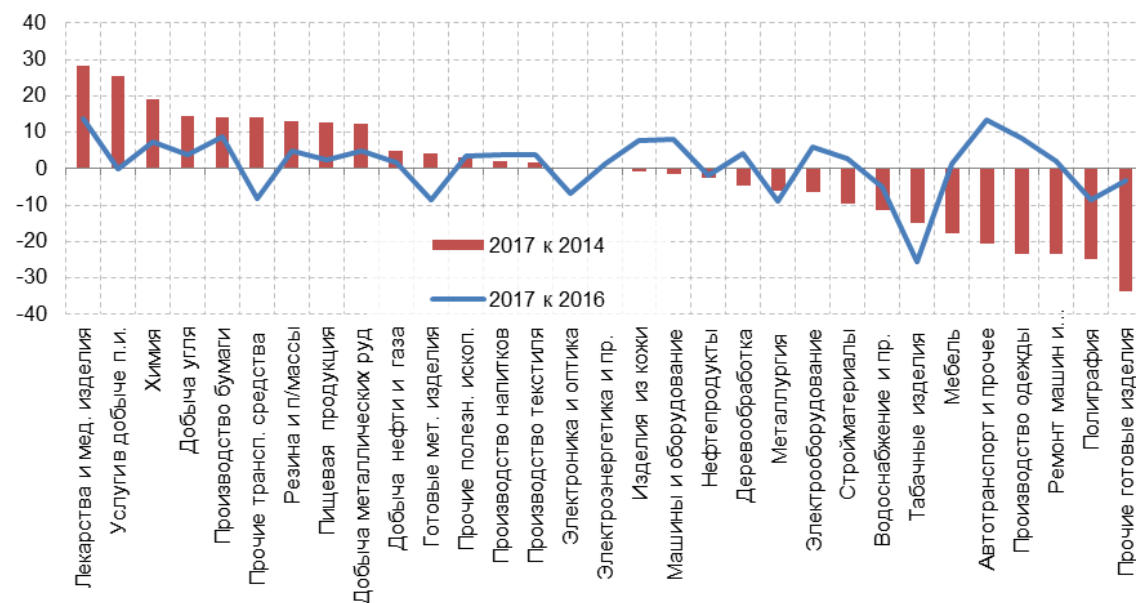
2. Валютный курс, структура экономики и экономический рост

В начале 2017 года российская экономика после короткого оживления вновь, если судить по данным Росстата, оказалась в стагнации. Проблемы экономического роста остаются на первом плане: последствия рецессии 2015-2016 гг. еще не преодолены, модель устойчивого долгосрочного роста также пока не сформировалась. С точки зрения текущей экономической конъюнктуры, к негативному влиянию на экономический рост неопределенности и нехватки внутреннего спроса в конце 2016 - начале 2017 гг. прибавился эффект укрепления реального курса рубля. Проблема создания условий для поддержания устойчивых долгосрочных темпов роста также остается полем для дискуссий. Важную роль здесь может сыграть сильная структурная политика, призванная преодолеть последствия вялой динамики обрабатывающей промышленности и высокотехнологичных секторов экономики в период роста цен на нефть и связанного с этим укрепления рубля, приведшего к удешевлению импортной продукции, но не подкреплявшегося адекватным ростом эффективности производства.

В начале 2017 года наметившийся было рост российской экономики вновь застопорился. Конечно, пока, с учетом частого изменения данных Росстата, утверждать это категорично нельзя. Однако нельзя не отметить, что, например, в промышленности объемы выпуска (в разрезе нового классификатора ОКВЭД2) в первом квартале, по данным Росстата, выросли относительно того же периода прошлого года всего на 0,1% против роста на 1,3% в целом за 2016 г. Среди лидеров роста в первом квартале текущего года были производители угля и металлических руд, напитков, одежды и обуви, химической продукции и лекарств, машин и оборудования, автотранспортных средств, продукции деревообработки (рис. 2.1). К числу аутсайдеров среди секторов промышленности можно отнести

производителей металлургической продукции, электрооборудования, компьютеров и оптики, табачных изделий и некоторых видов транспортного оборудования (рис. 2.1).

Рис. 2.1. Прирост выпуска в секторах промышленности в первом квартале 2017 г. относительно первого квартала 2016 г. и 2014 г., % (использованы данные по ОКВЭД 2)

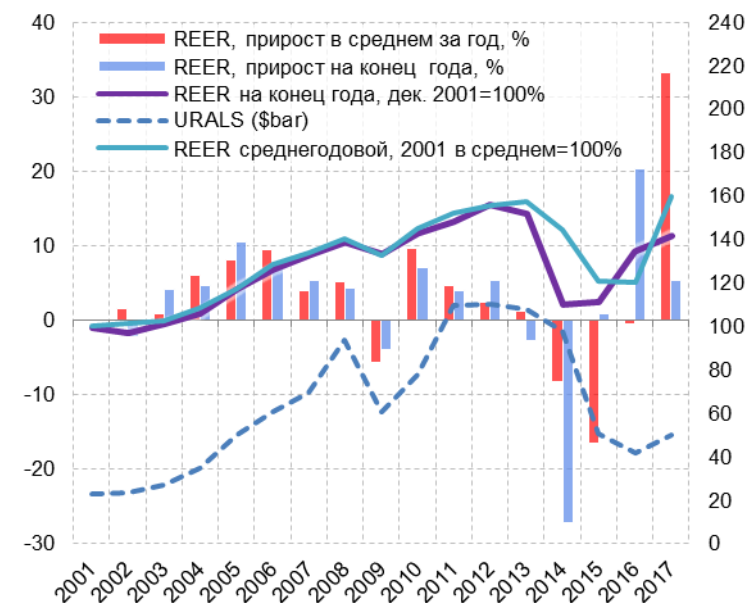
Источник: CEIC (Росстат), расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

При разговоре о причинах ухудшения конъюнктуры в промышленности и экономике в целом в начале текущего года часто упоминался фактор резкого укрепления реального курса рубля. Возможно, что это – именно тот фактор, который добавил к прежним ведущим ограничителям роста, которые уже длительное время фиксируются опросами Росстата, а именно к высокой неопределенности экономической ситуации и низкому уровню спроса.

По данным Банка России, на конец марта 2017 г. реальный эффективный курс рубля укрепился относительно декабря 2016 г. на 5,4%, в среднем за первый квартал относительно предыдущего квартала он вырос на 9,2%, а относительно первого квартала 2016 г. – уже примерно на 33%, фактически «съев» всю девальвационную фору (рис. 2.2). По данным Банка международных расчетов (BIS), Россия в марте 2017 г. стала одним из лидеров мирового рейтинга роста реального эффективного валютного курса⁴ (вместе с Южной Африкой) относительно того же периода прошлого года, отстав лишь от Венесуэлы, где реальный курс национальной валюты вырос в годовом измерении на 120% при снижении номинального эффективного курса примерно на 12%. При этом в России причиной укрепления реального курса рубля стала не столько высокая инфляция (как в Венесуэле), которая у нас, напротив, уверенно снижается, сколько рост биржевого курса (примерно на 20% к доллару и евро относительно того же периода прошлого года). По данным того же BIS, относительно июня 2014 г., когда началось падение цен на нефть и общее уменьшение притока валюты в российскую экономику, реальный эффективный курс российского рубля по-прежнему слабее примерно на 12%, что все еще дает ему ценовую фору относительно стран БРИКС и Центральной и Восточной Европы (табл. 2.1). Однако размер этого «гандикапа» уже заметно сжался относительно пика, а если ориентироваться на данные Банка России, то вообще, как мы уже сказали выше, исчез (рис. 2.2).

Что касается возможных позитивных эффектов от укрепления рубля, в частности для оживления инвестиционного процесса за счет увеличения импорта оборудования, то в условиях неясных пока трендов будущей экономической политики и условий ведения бизнеса, они проявляются слабее, чем эффект восстановления импорта продукции зарубежных производителей за счет ее относительного удешевления. При этом при оценке общего (итогового) влияния укрепления курса на экономическую конъюнктуру, конечно, нужно учитывать то,

Рис. 2.2. Динамика реального эффективного курса российского рубля (REER) по данным Банка России и цены нефти (курс к 2001 г. и цена нефти – правая ось), в %

Примечание: REER за 2017г. – данные за первый квартал.

Источник: Банк России, Рейтерс, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

⁴ При измерении темпов укрепления национальной валюты в годовом выражении.

что оно сейчас частично отражает некоторое увеличение экспорта и улучшение счета текущих операций, наблюдавшееся в первом квартале 2017 г.⁵ В то же время, есть **большая вероятность того, что текущее укрепление рубля носит временный характер**, поскольку оно происходит на фоне стабилизации цен на нефть и может быть вызвано краткосрочными преходящими факторами (включая сезонность и календарные эффекты роста экспортных поступлений).

Таблица 2.1. Лидеры роста (+) и снижения (-) по показателю прироста реального (REER) и номинального (NEER) эффективного курса национальных валют в марте 2017 г. к июню 2014 г. по данным BIS, в %

	REER	NEER
Мексика	-21,6	-27,0
Колумбия	-21,2	-23,7
Турция	-14,1	-29,4
Малайзия	-14,0	-18,2
Великобритания	-12,9	-12,0
Канада	-12,1	-12,3
Россия	-11,6	-28,3
Еврозона в целом	-9,1	-5,5
Румыния	-8,9	-3,9
Польша	-8,7	-5,4
Швеция	-8,4	-6,8
Ирландия	-8,4	-5,3
Норвегия	-8,0	-12,3
Новая Зеландия	-7,0	-5,8
Греция	-6,7	-1,4
Австралия	-6,4	-6,8
Испания	-6,0	-1,8
Италия	-5,6	-2,7
Франция	-5,3	-3,1
Германия	-5,0	-3,6
Словакия	-4,9	-1,6
Бразилия	-4,7	-12,1
Финляндия	-4,5	-1,0
Венгрия	-4,5	-3,5

⁵ См. Комментарии о государстве и бизнесе, №130, 2017 г. (https://dcenter.hse.ru/data/2017/04/14/1168194001/KGB_130.pdf)

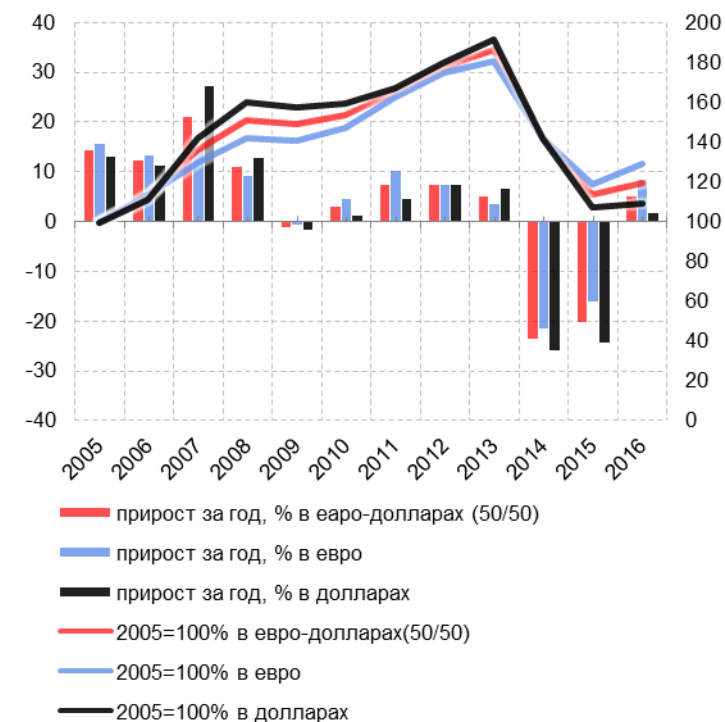
Нидерланды	-4,5	-3,2
Словения	-4,4	-0,9
Португалия	-2,1	-1,2
....		
Китай	6,0	5,1
Тайвань	7,2	11,1
Южная Африка	9,2	-2,9
Индия	12,7	4,8
Индонезия	13,0	1,8
Гонконг	16,6	12,6
Саудовская Аравия	17,1	15,6
США	18,2	22,3
ОАЭ	19,3	16,3
Исландия	30,1	28,8
Венесуэла	616,3	-25,7

Источник: Bank for International Settlements (BIS), расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Кроме того, о влиянии динамики валютного курса на конкурентоспособность и выпуск можно судить не только исходя из изменения реального эффективного курса национальной валюты, но и из динамики удельных трудовых издержек в валютном выражении. А она определяется как динамикой заработной платы в валютном выражении, так и изменением производительности труда. При этом, несмотря на ускоренное укрепление курса рубля в первом квартале 2017 г., **удельные трудовые издержки, в отличие от динамики реального эффективного курса рубля, по нашим оценкам, все еще заметно ниже докризисного уровня** (что несколько смягчает негативное влияние укрепления рубля на экономический рост), хотя в 2016 г. фора была гораздо больше, чем сейчас – на уровне 20-25% (в зависимости от валюты) относительно пика, достигнутого в 2013 г. (рис. 2.3).

В принципе, помимо динамики удельных трудовых издержек, **темпы роста производительности труда сами по себе тоже могут быть неким верхним ориентиром для темпов укрепления реального курса рубля**, то есть рост курса не должен заметно превышать рост производительности труда. **При этом в прошлом году в целом по промышленности производительность труда выросла на 3,6%, а в обрабатывающей промышленности, на конкурентоспособность которой в наибольшей степени влияет валютный курс, – лишь на 2,8%** (табл. 2.2).

Рис. 2.3. Динамика удельных трудовых издержек в валютном выражении по промышленности России в целом (прирост – левая шкала), в %

Примечание: Динамика удельных трудовых издержек рассчитана как соотношение роста заработной платы в валютном выражении и производительности труда. Производительность труда рассчитана как соотношение динамики выпуска в реальном выражении и числа замещенных рабочих мест.

Источник: CEIC (Росстат), Банк России, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Максимальные темпы роста производительности труда в 2016 г. на уровне 6-7% наблюдались в производстве одежды и обуви, в целлюлозно-бумажной промышленности и полиграфии, а также в производстве резиновых и пластмассовых изделий (табл. 2.2). Почти на 9,5% выросла производительность труда в производстве машин и оборудования, однако и в этом случае, и у других лидеров по ее приросту решающий вклад в этот процесс вносит снижение численности занятых, часто в силу выбывания работников на пенсию. В целом число замещенных рабочих мест (а с ним и число занятых) в промышленности России в 2016 г. снизилось на 2,4%. В отраслевом разрезе колебания составили от 2% прироста числа занятых в химической промышленности до сокращения на 10,4% – в производстве стройматериалов (табл. 2.2). При этом, если рост числа занятых на фоне расширения выпуска – явный признак благополучия отрасли, то сильное сокращение – признак скорее негативный, что видно на примере этих двух секторов, первый из которых уверенно растет, а второй – в числе лидеров снижения выпуска (табл. 2.2). Наряду с химической промышленностью прирост численности занятых наблюдался лишь в добыче топливно-энергетических полезных ископаемых.

Таблица 2.2. Динамика удельных трудовых издержек и их составляющих в промышленности России в 2016 г., прирост в % (если не указано иное) (использованы данные ОКВЭД 1)

	Прирост выпуска в реальном выражении	Прирост численности занятых	Прирост производительности труда	Заработная плата, рублей в месяц	Прирост заработной платы в реальном выражении год к году, %	Прирост ULC в евро-долларовом выражении, %
Промышленность в целом	1,1	-2,4	3,6	39636	3,4	5,1
Добыча полезных ископаемых	2,5	0,3	2,2	69688	3,8	7,0
добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	2,6	1,4	1,2	77479	2,9	7,1

добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	0,8	-2,2	3,0	54022	5,2	7,6
Обрабатывающие производства	0,1	-2,6	2,8	34748	3,3	5,9
производство пищевых продуктов	2,4	-1,6	4,0	28705	1,6	2,9
текстильное и швейное производство	5,3	-1,6	7,1	17168	3,4	1,7
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	5,1	-2,0	7,3	20024	6,8	4,8
обработка древесины и производство изделий из дерева	2,8	-1,0	3,8	22527	4,9	6,5
целлюлозно-бумажное производство; полиграфия	0,8	-5,0	6,1	33645	5,9	5,1
производство кокса, нефтепродуктов	-2,4	1,0	-3,4	88199	2,5	11,8
химическое производство	5,3	2,0	3,2	43519	4,9	7,1
производство резиновых и пластмассовых изделий	5,4	-1,2	6,7	28057	6,5	5,1
производство прочих неметаллических минеральных продуктов (стройматериалы)	-6,6	-10,4	4,3	29232	-1,1	-0,1
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	-2,3	-3,4	1,1	35777	2,7	6,9
производство машин и оборудования	3,8	-5,1	9,4	35265	3,8	-0,1
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	-1,0	-1,2	0,2	40207	3,8	9,1
производство транспортных средств и оборудования	-3,0	-3,0	0,0	39398	3,4	9,0
прочие производства	-6,2	-4,4	-1,9	23031	1,5	8,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,5	-3,2	4,9	39607	1,9	2,4

Источник: CEIC Data (Росстат), расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Учитывая достаточно умеренные в целом темпы роста производительности труда, складывающиеся сейчас темпы укрепления реального валютного курса рубля выглядят чрезмерными. Если в прошлом году в среднем за год рубль в реальном выражении, по данным Банка России, ослаб на 0,5%⁶, и экономика при сложившихся темпах роста производительности постепенно улучшала свою динамику, то укрепление реального валютного курса на треть, как в первом квартале текущего года, выглядит весьма негативным событием, усиливающим, помимо прочего, общую неопределенность, так как колебания курса носят частый и трудно предсказуемый характер. Несколько большая стабильность на валютном рынке, при сохранении, в целом, избранного Банком России плавающего режима валютного курса, на наш взгляд, способствовала бы улучшению экономической конъюнктуры и началу более уверенного экономического роста.

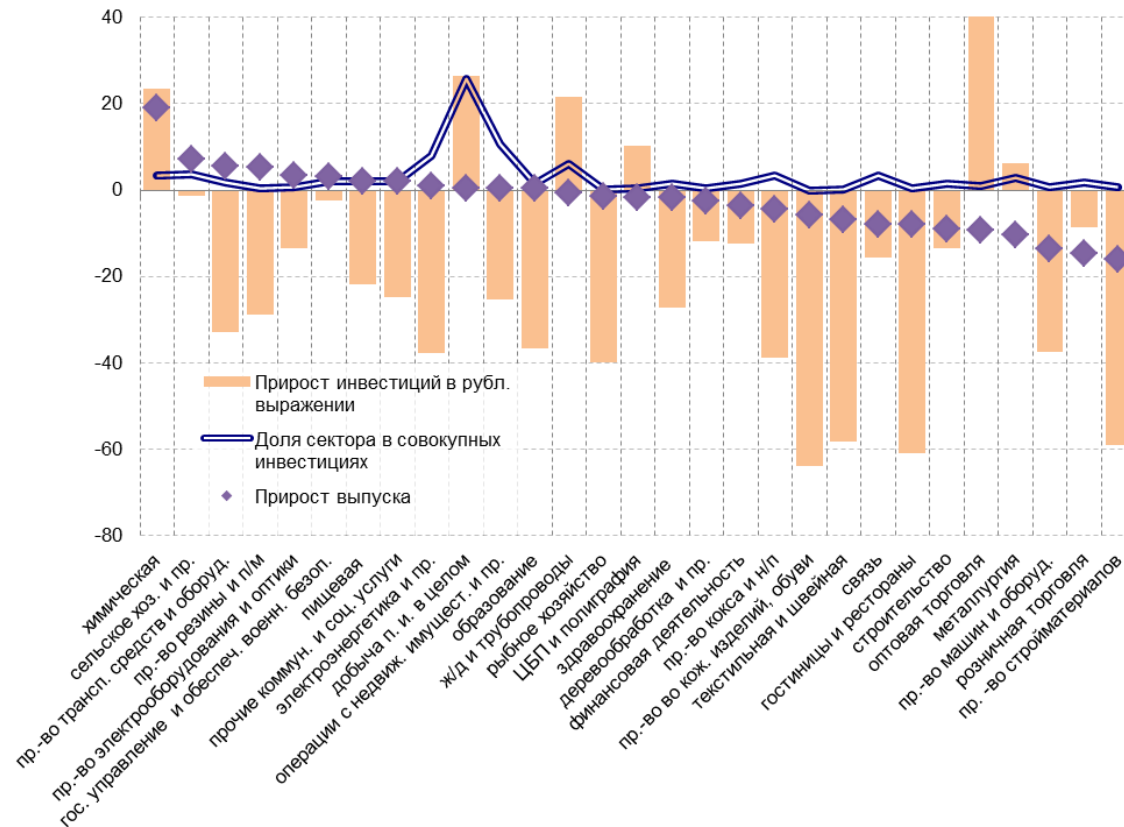
Важно при этом иметь в виду, что начало роста вовсе не будет означать его уверенного продолжения. **Как показывают исследования, примеров удачного догоняющего развития не так уж много, и очень часто периоды ускорения роста в странах со средним уровнем дохода сменяются периодами замедления роста или даже его сильного снижения. Эмпирические исследования показывают, что такого рода негативные процессы стимулируются высоким неравенством доходов, характером внешнеторговой специализации стран (ресурсно-ориентированные экономики более подвержены коллапсам роста, чем страны с ориентацией на обработку или сельское хозяйство) и малым размером экономики.** Если последнее России не грозит, то первые два фактора, как известно, в той или иной степени присутствуют. В связи с этим преодоление слишком высокого расслоения по доходам (на уровне часто переживающей экономические кризисы Латинской Америки) и стимулирование диверсификации экономики за счет интенсивного межотраслевого перелива капитала и возникновения новых предприятий и секторов – два важных условия устойчивого долгосрочного роста.

⁶ При этом в силу неравномерной динамики валютного рынка в декабре 2016г. к декабрю 2015г. наблюдался рост реального эффективного валютного курса более чем на 20%.

Вопрос о чрезмерно высокой дифференциации доходов в экономике заслуживает отдельного разговора, хотя ясно, что проблема существует как на уровне экономики в целом, так и на уровне чрезмерно гетерогенной (разнородной) отраслевой структуры доходов, где преимущества имеют сырьевые сектора. **Одним из множества косвенных индикаторов такого расслоения на отраслевом уровне является, в частности, более чем пятикратный разрыв в 2016 г. между уровнями месячной заработной платы в российской промышленности: в производстве текстильных изделий она составила 17,2 тыс. рублей, а в производстве нефтепродуктов – 88,2 тыс. рублей.** При этом более чем двукратный разрыв последней с производителями машин и оборудования (находящимися на уровне, среднем для промышленности) также выглядит весьма впечатляющим (таб. 2.2). Вопрос здесь не в том, чтобы забрать все ресурсы у сырьевиков и поделить их – в конце концов, и уровень производительности труда в сырьевом секторе сейчас значительно выше, – а в том, чтобы создать адекватные стимулы для развития и несырьевых производств.

Вообще, говоря о структурных изменениях сырьевой российской экономики и о преодолении последствий голландской болезни, важно отметить, что изменение структуры экономики – это не столько побочный продукт роста подушевого ВВП, сколько один из ключей к экономическому развитию. **Нужно уже сейчас максимально сильно снижать издержки входа в новые виды экономической активности, устранять все те излишние административные, монополистические и бюрократические барьеры, которые, как показывает мировой опыт, могут жестко блокировать рост ВВП при переходе экономики к росту после сильного изменения ценовых пропорций на фоне девальвации национальной валюты.**

Рис. 2.4. Рейтинг секторов экономики по приросту выпуска (ДС в ВВП) и инвестиций в основной капитал в 2016 г. к 2014 г. в реальном выражении и доля секторов в общем объеме инвестиций в 2016 г., %

Источник: Росстат, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Элементы прежней модели экономического роста, а также старой модели регулирования и лицензирования в новых условиях могут стать тормозом на пути диверсификации экономики. Вообще, динамичное изменение структуры

производства – важный фактор создания позитивного импульса для экономического роста при условии достижения макроэкономической стабильности, обеспечения накопления качественного человеческого капитала и наличия приемлемой инфраструктуры. Только при наличии комплекса этих условий рост может приобрести самоподдерживающийся характер. Напротив, при отсутствии динамичного изменения структуры, можно оказаться в ловушке низкого роста и преобладания самодовлеющего отраслевого контура, не предъявляющего спрос на инновации, замкнутого на зарубежное оборудование и сервисные отрасли.

Между тем, пока **структурные изменения в российской экономике носят весьма локальный характер (рис. 2.1 и 2.4)**. Проведенный нами анализ динамики выпуска (произведенной добавленной стоимости в составе ВВП) и инвестиций в основной капитал в 2016 г. относительно предкризисного 2014 года показывает, что **к явным отраслевым очагам структурной перестройки можно отнести лишь химическую промышленность, если в качестве критерия взять рост и выпуска, и инвестиций**. В ней выпуск и инвестиции за два года увеличились на 19% и 23,5% соответственно (рис. 2.4). В размере от 3,5% до 7% за посткризисный период составил прирост выпуска в производстве электрооборудования, резины и пластмасс, транспортных средств и оборудования, в сельском хозяйстве (рис. 2.4). Однако в этих лидерах прироста выпуска, который (прирост) сам по себе не велик (за исключением сельского хозяйства), инвестиции не росли, а падали темпами от минус 1,5% – в сельском хозяйстве, до минус 33% – в производстве транспортных средств и оборудования. Инвестиции (на фоне стагнации или снижения роста) заметно (на 20-24% в реальном выражении) выросли относительно докризисного уровня, помимо химической промышленности, в добыче полезных ископаемых, в ряде транспортных секторов и в оптовой торговле. На 5-10% увеличились объемы инвестиций в целлюлозно-бумажной промышленности и в металлургии (рис. 2.4). Но это все сырьевые сектора или сферы деятельности, ориентированные на их обслуживание.

В целом все это позволяет оценить интенсивность структурных изменений в российской экономике в направлении ее диверсификации как пока весьма слабо выраженную. **Сырьевой крен сохраняется, тормозя и текущие темпы развития, и долгосрочный экономический рост.**

Валерий Миронов, Людмила Коновалова, Алексей Кузнецов

Платёжный баланс

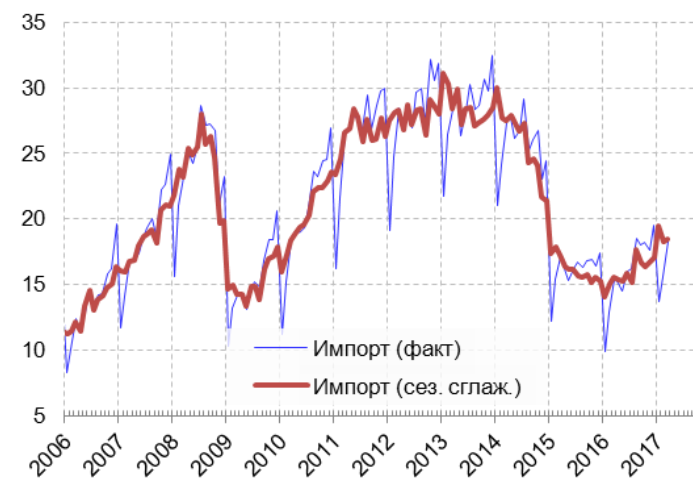
3. Импорт наступает широким фронтом

Стоимость импорта товаров, очищенная от сезонного фактора и случайных колебаний, по нашим оценкам, в марте составила 18,5 млрд долл., увеличившись на 1,2% по сравнению с предыдущим месяцем (рис. 3.1). Тенденция к росту наблюдается по всем укрупнённым товарным группам, по некоторым из которых рост усилился в последние месяцы.

В настоящее время, в структуре всего импорта 90% приходится на товары из стран дальнего зарубежья, что незначительно уступает предкризисному уровню ноября 2008 г. (91,2 – исторический максимум) и предсанкционному уровню в декабре 2014 года (90,3%). После кризиса 2009 г. и ответных санкций со стороны России, введённых в августе 2014 г., удельный вес импорта из дальнего зарубежья сокращался до 84,1 и 86,6% соответственно. Другими словами, **импортёры практически адаптировались как к кризису, так и к санкциям.**

За последний год **тенденция к росту стоимостных объёмов отмечена во всех укрупнённых товарных группах** импорта из стран дальнего зарубежья. С ноября прошлого года стал расти импорт химической продукции, с сентября – продовольствие, с августа – текстиль и обувь, с июня – ускорился рост импорта продукции машиностроения (рис. 3.2). Следует отметить, что на этот период пришлось значительное **укрепление реального эффективного курса рубля**, который с февраля прошлого года по настоящее время, согласно данным Банка

Рис. 3.1. Динамика стоимости импорта, млрд долл.

Источник: CEIC Data, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.